

18+

Владимир Сметанин
Дикие нравы села Новосельцева

Владимир Сметанин

Дикие нравы села Новосельцева

«Издательские решения»

Сметанин В. А.

Дикие нравы села Новосельцева / В. А. Сметанин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-550539-2

Действие происходит в наши дни в одном из регионов Сибири. Трое молодых людей по наущению старшего, даже пожилого товарища -Клепацкого - отправляются из города осваивать дальнее село. Идея состоит в том, чтобы получить здесь в аренду участок земли для основания турбазы. У сельчан на этот счет несколько иные планы

ISBN 978-5-00-550539-2

© Сметанин В. А.
© Издательские решения

Содержание

Дикие нравы села Новосельцева	6
Роман	6
Глава 1	7
***	12
***	18
***	25
Глава потер переносицу	28
***	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дикие нравы села Новосельцева

Владимир Алексеевич Сметанин

© Владимир Алексеевич Сметанин, 2021

ISBN 978-5-0055-0539-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дикие нравы села Новосельцева

Роман

Глава 1

Когда в природе наступают моменты смены времени года, Новосельцево ощущает это прежде других поселений. Наверное, потому, что расположено оно на возвышенности. И когда наступает весна, снег тут тает быстрее, особенно с солнечной стороны; лето начинает припекать так, что его прихода никак нельзя не заметить, потому что уже в июле жухнет трава. Об осени и зиме и говорить не приходится: ненастье застревает в вершинах деревьев на маковке горы и раздраженно сбрасывает накопленный дождь или снег в первую очередь на Новоселково. Зато свежего воздуха тут полно, даже и в июле, а тем более – в январе. Это все стараниями ветра, который дует почти постоянно, не с одной, так с другой стороны. Особенно досаждают он зимой, пробирая до костей. То есть тепла явно недостаточно. Туго и с водой – она добывается из скважин. Открытых водоемов нет, кроме маленького зеркала родника среди сосен, который то и дело пропадает, будучи выпитым охотниками за качественной водой. И если случается кому-то подниматься в Новосельцево пешком, одышка к нему в конце пути является непременно. Зато спускаться из села не составляет труда. Иной раз ноги переступают до того быстро, что останавливать их приходится с изрядными усилиями, и тут на выручку приходит дорожный знак, на котором начертано: «с. Новосельцево». Пешеход хватается за столб, и теперь уже может перевести дух – дальше спуск становится более пологим. И совсем легким, если глина на дороге не раскисала от дождя. Тогда несладко приходится даже и автомобилистам, ибо подсыпавший периодически гравий уходит в эту глину, как в прорву. В ближайших планах областного управления строительства и эксплуатации дорог – асфальтирование таковой до самого Новосельцево. Заскорузлые скептики оценивают протяженность срока до начала работ в 10 – 15 лет.

Какая же нелегкая занесла сюда жителей? Объясняется все очень просто: вольготно раскинувшееся в низине Березовое – старинную колыбель всех местных родов, регулярно стало подтоплять. Попервости только в случае большого весеннего паводка, а в последние годы даже и после рядового ливня. И вот удивительно: с вырубкой лесов реки обмелели, в том числе и местная Песчанка, а наводнений стало больше. Чудеса! Сначала березовцы надеялись пережить эти напасти: бесполезно! После того, как в своем доме у реки чуть не утонула бабушка Степанида, стало ясно, что надо принимать меры. И занялись постройкой дамбы. Пока ее строили и без конца латали, наиболее нетерпеливые, особенно из числа молодых, принялись возводить дома на склоне, и постепенно Березовое стало пустеть, а на горе разрослось Новосельцево. И для дальнейшего строительства еще имелось место – все выше и выше в гору. Лишь убрать камни и кусты. Какой вид открывался на окрестные ландшафты! Не Альпы, конечно, но все же.

Отсутствие утесов и пропастей не давало повода относиться к законам физики свысока. Не все это понимали. Когда еще построек в Новосельцево насчитывалось всего ничего, в окрестных перелесках водилось много грибов. Передовой механизатор Митя Калабин из Березового как раз вне очереди купил «Москвич» и, когда подошла грибная пора, вместе с женою поехал на промысел. Он оставил автомобиль под кустом, где не так палило августовское солнце, и супруги полностью отдались тихой охоте. И удалились по грибным полянам на значительное расстояние. Оглянувшись в какой-то момент на свое средство передвижения, Митя его под кустом не обнаружил, а увидел ниже по склону. Автомобиль набирал скорость.

– Эй! – сдавленным голосом бесполезно окликнул его Митя и тут же помчался вдогонку. Даром, что ему минуло сорок – он показал на стометровке рекордное время. Но слишком велика оказалась у «Москвича» фора, и передовик производства его не догнал. Нет, не догнал. Изделие АЗЛК с разбегу ударилось о сосну, отчего погнулся бампер, отскочив, продолжило путь, но увязло в кустах боярышника. В это время супруга Мити с двумя наполненными вед-

рами спешила ему на подмогу. Грибы в тот год удались на загляденье – ядреные молоденькие рыжики, один к одному. Под гору ехать было способно даже с разбитым радиатором и, по сути, мотор поработал лишь на подъезде к дому Калабиных. Ремонт потребовался основательный: кроме радиатора, пришлось чинить что-то во внутренностях автомобиля, выправлять бампер и капот. Ручник оказался в порядке! А как «Москвич» сорвался с привязи, осталось непонятным. С тех пор Митя всегда подкладывал на склонах под колесо полено, которое постоянно имел в багажнике. Самое смешное, что работал он на колесном тракторе, и ни разу тот не делал попыток побега. Не иначе – сглазили. Народ-то в Березовом разный. Может, озлобили его непрерывные паводки – кто знает. Попробуй-ка каждый раз вычерпывать из подполья воду и сушить картошку, а заодно и все, что под полом, иной раз – и над ним. А огороды, по временам напоминающие заросшие огурцами болота? Сплошной ущерб! А тут кто-то покупает легковые автомобили... Так не всем же быть передовиками, сидеть в президиумах – надо же кому-то и пахать!

Но Митя на завистников не обращал внимания, может, и зря. Может, следовало сделать какой-то обряд от напастей. Потому что в скором времени двое загулявших недорослей угнали его «Беларусь», на котором он безаварийно проработал 12 лет, и опрокинули его в кювет, отчего раскололся блок картера.

Белая приземистая иномарка, от которой исходили неощутимые флюиды Фудзиямы, двигалась по дороге к Новосельцеву неспешно, поскольку заехала сюда в первый раз. В машине сидели двое мужчин лет 25 и девушка, которой столько ни за что не дашь.

– Смотрите, какой-то там абориген на склоне, – мотнул головой водитель в сторону человека, который, действительно, маячил среди кустов. Тут же они разглядели рядом с ним теленка бурой масти, потупившего голову долу.

– Выгуливает, что ли? – предположила девушка, сидевшая рядом.

– Скорей уж, пасет, – высказал догадку штурвальный.

– Одного теленка?

– А что ты хочешь? Деревня, натуральное хозяйство. Патриархат.

Кусты скрыли теленка вместе с персональным пастухом, дальше показался населенный пункт.

– Ну вот, добрались, – сказал человек за рулем, лишь только они приблизились к первым домам.

– А ничего себе деревенька, – отметил сидевший на заднем сиденье. – Пыли только много, да, Федь?

– Да ее и в городе хватает. Хорошо, еще дожди время от времени перепадают.

– Я слышала в новостях – сельчане жалуются на засуху, – посмотрела на Федю сидевшая рядом спутница.

– Так наш-то городской дождик десятиминутный для них – всего ничего. Им надо, чтобы хорошо землю промочило.

– У всех свои причуды, – отозвалась она.

– Ну, Валя, на сухой-то земле ведь ничего не растет!

– Чего же не поливают?

Федя не нашелся, что ответить и спросил третьего члена экипажа:

– Андрей, что это означает? – он кивнул направо по курсу, где наблюдалось какое-то непонятное движение. Колесный трактор наскакивал задом на мощный тополь, сотрясая дерево до самого верха. Но падать оно не собиралось, лишь только кора в местах ударов разлохматилась. В свою очередь, и трактор не имел никаких повреждений, поскольку таранил тополь толстой стальной навеской. Ни одна из сторон не хотела уступать.

– Да фиг его знает, – недоуменно отозвался поименованный Андрей. – Деревня же! Наверное, парень под мухой. Может, он жену туда загнал, а теперь хочет стряхнуть, чтобы конкретно разобраться.

– Ну, вы уж совсем... – покачала головой спутница. – Бывает же, я слышала – пчелы улетают от хозяев. Целый рой. И где-нибудь на дереве устраиваются. Может, он пчеловод и от него тоже улетели?

– Но они, сдаётся мне, в начале лета улетают. А тут чуть ли не зима натуральная, – возразил Андрей. – Да и так он их не достанет, а только прогонит совсем.

– И дорогу загородил, – добавила Валентина. – Он так и будет сновать тут? Может, нам объехать, по другой дороге?

– Придется, – согласился Федор, но тут тракторист заметил подошедшую машину и, сделав короткий маневр, освободил проезжую часть. После чего выбрался из кабины, кивнул Федору, приоткрывшему дверцу, и стал глядеть вверх, задравши голову. Чтобы улавливать звуки, заглушил мотор.

– А что там? – заинтересовался приезжий, тоже уставившись на дерево.

Вслед за ним салон авто покинули и пассажиры и, встав рядом, вперили взоры в густую листву.

– Кошка убежала, – с досадой сообщил оператор трактора. – Поймав непонимающий взгляд шофера, пояснил:

– Редкая кошка, абиссинская. Надежда и опора моей половины. Почти красная. Она с ума сойдет!

– Кошка?

– Моя жена! Она планирует стать заводчицей редких кошек.

– Дела-а... – сочувственно протянул Федор, а пассажир Андрей предложил:

– Так давайте мы ее колбасой поманим, у нас есть, для перекуса. Запах – м-м!

– Запах-то чесночный. Может, она не переносит чеснока! – резонно заметил Федор. –

Но попробовать надо.

– Да не стоит, – растроганный живым участием приезжих, сказал хозяин редкого животного. – Я лучше принесу селедку. В ней рыбьего жира – за версту в нос бьет! Эта кошка ест ее, когда в настроении. Привередливая, собака! Интересно – у них в Абиссинии, селедки, что ли, водятся? Минтая, например, не жрет!

Ответа на вопрос не последовало.

– Так давайте оба варианта испробуем! – осенило пассажира авто. – Вы несите селедку, а мы – колбасу. Валя, где у нас колбаса?

– Наверное, придется ее разрезать: половину кошке, половину – нам, – рассудительно заметил Федор. – Разрезанная, она еще шибче будет пахнуть!

– Да, пожалуй, – поддержал его тракторист. – Только не надо половину, ей и ста граммов хватит. – И он повернулся, чтобы сбегать за селедкой.

– Кошка, говорите, красная? – неожиданно спросила Валентина. – А это не она там сидит?

Все посмотрели в направлении вытянутой руки с тонкими музыкальными пальцами. В некотором отдалении на верее ворот сидела гладкая короткошерстная кошка цвета пережженного кирпича и с интересом наблюдала за кутерьмой.

– Так это она и есть, зараза! – воскликнул хозяин абиссинки, а Валентина нырнула в машину и тотчас появилась с батоном колбасы в руках. Резать продукт не доставало времени, и Федор, крикнув, отломил порядочный кус, который тут же вручил супругу заводчицы. Последний, изобразив умильную гримасу, стал приближаться к беглянке, имея в вытянутой руке колбасу.

– Патра, Патра, – елейным голосом манил он животное, произнося уменьшительное от «Клеопарта». – Иди, иди сюда, свинья!

Обманутая лъстивой улыбкой и смиренным голосом хозяина, а более того – запахом колбасы, кошка позволила взять себя на руки. Конечно, распробовав колбасу, она, вероятно, испытала глубокое разочарование, поскольку, вопреки усилителям вкуса, мяса в подношении практически не оказалось. Жизнь – жестокая штука.

– Не знаю, как благодарить! – с чувством сказал счастливый ее хозяин, – может, заглянете на чашку чая? За знакомство, за удачу приподнимем?

– Спасибо, торопимся. Как-нибудь в другой раз, – отозвался на правах флагмана Федор. – Кстати, я Федор.

– Антон, – подал руку владелец кошки. – Представились и Андрей с Валентиной и обменялись с Антоном рукопожатием.

– Так заезжайте в любое время, – пригласил Антон. – Если трактор у забора – значит, я дома.

– Спасибо! – во второй раз поблагодарил Федор. – Коля Лузин там же живет?

– Там же, на Осочной.

– Ну, пока!

– Пока!

– Так запросто? – с недоумением произнесла Валентина, когда машина тронулась. – А вдруг мы налетчики?

– Что ты хочешь: не Снежнодольск! – резонно заметил Андрей. – А я бы выпил, как предлагали – за удачу.

Сидящий за рулем хмыкнул.

– Что, к Коле? – спросил он затем.

– По идее-то надо бы пробежаться сперва по магазинам, – предложила Валентина, что свидетельствовало об отсутствии у компании неукоснительного плана действий.

– Можно и по магазинам, – Федор посмотрел на Андрея, и тот кивнул. – Но тогда я ему позвоню – вдруг у Коляна какие-то планы. Ищи его потом!

И он, действительно, позвонил.

Разговор получился коротким: знакомый никуда отлучаться не собирался, занятый ремонтом бани. Но на всякий случай решили заехать сначала к нему. Мало ли!

Остановив машину у известного ему дома, Федя осторожно отворил калитку и заглянул во двор, готовый тут же захлопнуть ее, буде встречать его вывернется собака. Потому что не все же держат четвероногих друзей на привязи. Вообще – как это можно: держать друга на цепи?

Но собаки не оказалось, и гость растворил калитку пошире, так что стали видны сени, заборчик, за которым обозначился пустой пока огород, навес, доверху забитый сеном и капитальное бревенчатое сооружение, размером никак не меньше, чем 6 на 4 метра. Оттуда через распахнутую дверь доносился визг электропилы.

– Это что, такая баня? – спросил Андрей у Валентины. Она пожала плечами.

– Общественная, что ли? – продолжал удивляться спутник. – Это же сколько дров надо! – И он собрался выйти наружу, но тут откуда-то из переулка вынырнула рыжая собака и приблизилась к автомобилю, пристально разглядывая ноги Федора, который уже намеревался войти во двор усадьбы.

– Кошмар! – вполголоса ужаснулась Валентина.

– Э! – громко обратился к собаке Андрей, тоже почуяв неладное. Она тут же переключила внимание на него и залилась лаем. Федор не знал, куда отступить, но на его счастье из бани выглянул хозяин и цыкнул на пса.

– Из-за пилы не слышал, как вы подъехали, – объяснил он. – Не думал, что так скоро. Ну, здравствуйте, проходите. Выпьем чаю? – и владелец вольноопределяющейся собаки посмотрел на спутников Федора.

– Но мы ж по делу, – запротестовал тот. – Да и тебя отрывать от работы не стоит. А дело вот какое: хотим мы открыть у вас магазин, как принято сейчас в селах, минигипермаркет. То есть все – от селедки пряного посола до садового трактора. Спиртные тоже – куда без них? Ты взял бы на себя поиски помещения и продавца, а мы – доставку товара. Ну, там сигнализацию, интерьер и прочее. А?

Видно было, что предложение гостя застало аборигена врасплах.

– Да тут уж и так торговли полно, аж не вмещаются в помещения, торгуют на улице, чисто Ташкент, – отозвался, наконец, он.

– Но видишь ли, Семеныч, в чем наши шансы: мы-то обеспечим более низкие цены и народ повалит.

– Так это что же – себе в убыток? – с сомнением почесал бровь Семеныч.

– Ну, почему же в убыток? Обязательно в прибыль! Будем изыскивать лучшие варианты. Покупать подешевле, а продавать... ну да, тоже подешевле.

– Интересно девки пляшут. По четыре штуки в ряд, – вполголоса пробормотал местный житель и уже в полный голос спросил:

– А не посмотреть ли для начала на наши, местные цены?

– Ты прямо в точку угадал, Семеныч. Именно так мы и хотели сделать. Есть у нас цены, которые на оптовке. Так что произведем пристрелку. Ты с нами?

– Придется, раз такое дело. Ну, как мы есть теперь компания, надо хоть признать. Николай Семенович Лузин, можно просто – Семеныч, – и хозяин усадьбы пожал руки назвавшим себя гостям. – Ну вот, можно и трогать. Сейчас – сюда.

И автомобиль с пополнившимся экипажем покотился к ближайшему магазину.

Глава 2

Виктор Петрович Сумайкин недавно выработал себе пенсионный стаж, и хоть в последние годы обзавелся некоторыми болезнями, на заслуженном отдыхе быстро окреп. Буквально за неделю. Тому причиной стало долгожданное обращение к природе, на которую прежде недо- ставало времени, даром, что он жил в селе. Заросли крапивы вдоль заборов – это еще не совсем природа. И тополя, сорящие летом белым пухом – то же самое. Виктор Петрович желал видеть тенистые лесные уголки, где не слышалось стрекота мотоциклов и бензопил и не гавкали, почем зря, собаки. И теперь он уходил по утрам прогуляться к ближнему лесу, и дышал. Когда дорабатывал последние месяцы, его часто посещала мысль устроить по выходе на пенсию их с Марьей Сергеевной семейное гнездо вне села. Где-нибудь на раскидистом дереве, не так высоко над землей, чтобы легко входить в него, и не слишком далеко от местной цивилизации, дабы не затруднительно было ходить в магазин и в аптеку. И до того эта идея завладела им, что Сумайкин насилу дождался окончания своей трудовой вахты. Лишь только на службе поблаго- дарили его за долголетний и добросовестный труд и, вручив памятную стеклянную вазу, выста- вили за дверь, как он едва ли не полностью отдался реализации своей мечты. Перво-наперво Виктор Петрович присмотрел наиболее подходящее дерево, что не составило большого труда, так как местность он знал досконально. Лесной резиденцией его следовало стать старой березе, которая в метре от земли разделялась на три кривых ствола, образуя в развилке подходящее место для устройства летнего жилища. Виктор Петрович видел как-то тоже на березе, метрах в трех над землей сооружение, явно построенное не воронами, поскольку были использованы доски. Обитал ли там кто-то, выяснять не стал, поскольку такое строить не собирался и опыта перенимать – также. Он решил соорудить свое пристанище полностью из подручных материа- лов, без гвоздей и болтов. И вот, отпраздновав в семейном кругу свой выход на заслуженный отдых, в будний день, который стал теперь выходным, Сумайкин отправился в лес. При себе он имел топор, заткнутый, как у старых лесорубов, за ремень, и ножовку. Апрельское утро выдалось прохладным, в натаявших накануне лужицах хрустел под ногами лед. Он спустился по склону ниже, до самой Песчанки, еще не освободившейся от зимних оков. Красота!

Не один только Сумайкин покинул в это утро населенный пункт. Не спится не то, что до обеда, а даже до девяти утра, старикам даже на отдыхе: проходя мимо реки, делавшей здесь петлю, он увидел сгорбившегося над лункой рыболова и тут же узнал его: Лев Иванович Гушин, тоже пенсионер. Он постарше Виктора Петровича, но нездешний, а приехал не так давно из города, со своей Анной, как только и она вышла на пенсию. Тут ее необоримо потянуло в места детства, то есть в Новосельцево. Супруг, которому обрыдла городская суета, не возра- жал. Потому что детство его протекало тоже в деревне, хотя нездешней. И это запало, надо думать, ему в душу. Об этом детстве Сумайкин слышал от Анны, которую знал давным-давно. Однако же супруг ее оговорил за собой право покинуть село, если вдруг оно надоест. По ее словам, Гушин занимался преподавательством и даже имел научные труды. Ну, это уж – пони- мал Виктор Петрович – она прихвастнула. Какое преподавательство, когда ее муж изъяснялся почти так же коряво, как Петя Круглицын, окончивший семь классов. Одно только отличие – Лев Иванович не ругался походя матерными словами, как Петя, у которого к 45 годам скопился неимоверный запас выражений. Виктор Петрович с Гушиным знаком шапочно, а тут вышел прямо на него.

– Доброе утро! – поздоровался он с рыболовом.

– Доброе и вам! – раздалось в ответ.

– Так место выбрали вы неудачное. По-моему, тут мель – до дна, наверное, за зиму промерзло.

– Нет, вода там ходит. И рыба.

– Клюет разве?

– Да не сказать, чтобы шибко. Но мало-мало есть, – ответил любитель холодной рыбалки, кивнув в сторону, где в снегу, запорошившем лед, лежали несколько окуней. – Ладно, что окуни мерные, не ерши. Наверное, стайка такая.

– Эти еще ничего, – сконфуженно согласился Сумайкин, поправляя топор за ремнем, – а то ведь заезжие всю рыбу перевели.

– Хм, хм, – отозвался Гуцин, подтягивая поближе бур. – А чего же вы – по дрова, ли чо ли?

– Ну, какие дрова – на горбу отсюда не натаскаешься! Мастерю я из наростов фигуры разные.

– Из кап, что ли?

– Вот-вот, из них самых.

– Интересно. Работа, наверное, не из легких. Они, сдается, твердые больно.

– Да, это есть. Но если инструмент наточен, как надо – то нет проблем.

Спустившийся с берега к рыболову Виктор Петрович перевел дух. Он и в самом деле когда-то давно занимался деревянными поделками. Но в этот раз ничего подобного не замыслил. Да не распространяться же об истинной цели похода.

– Долго приходится искать? – рыболов. Отложив на секунду удочку, закурил и предложил Сумайкину, но тот покачал головой и сказал:

– Когда как. Иногда быстро находится, бывает, что и не одна. А то и два-три часа проходить можно и – без толку. Одно хорошо: пройдешься по лесу, посмотришь, подышишь...

– Это да, – отозвался после паузы Гуцин и выпустил клуб дыма. – Все-таки рыбалка в чем-то лучше охоты, холера ее разбери! Вот попробуй-ка закури на охоте! Можно и вообще тогда в лес не ходить. А тут – кури, сколько душе угодно, хоть махорку, можно вонючего самогону глотнуть и заесть чесноком – рыбе все одинаково. А в лесу, конечно, баско. Жаль, я как-то не znalся с резьбой по дереву. Но другой раз подумывал: а не устроить ли себе избушку где-нибудь в чащобе, на дереве? До того уж бетон и асфальт достали, и трамвай-троллейбусы, толкучки базарные!

– Ну? – оторопело выдавил Виктор Петрович, округлив глаза. – Избушку? На дереве? Я тоже... – и замолчал.

– Ну, конечно, поразмыслил – не получится. Ее в одиночку и на земле-то не очень просто, а на дереве? Не нанимать же бригаду? Потеха, да и только! Решат – дескать, умом тронулся человек.

– Это уж точно, – без энтузиазма молвил Виктор Петрович.

– Уж беспрременно так и порешат. Ребятишки пальцем станут показывать. Психиатров еще привезут...

– Привезут, привезут, – печальным голосом согласился Сумайкин. – А дай-ка, Иваныч, закурить. Что-то расхотелось мне идти по чагу.

– По капу же, – поправил Лев Иванович, протягивая пачку сигарет.

– По капу, будь она неладна, – согласился свежий пенсионер и закашлялся, глотнув дыму:

– Давно не курил. – Помолчал и спросил:

– Значит, с избушкой покончено?

Гуцин внимательно посмотрел на него – не смеется ли? – и подтвердил:

– Да, тудыть ее! Хотя и жалко. Живут же вольготно на деревьях африканцы! Правда, возраст...

– Да, вот интересно: молодые-то на 10—20 метров запросто к себе домой забираются, а как старики? Канализации у них там на деревьях нет! Да и просто прогуляться, ноги поразмять. А лифта тоже нет.

– Ну, старики-то, поди, обитают у подножия. На лесной подстилке. Не так почетно, зато все под рукой. Тут тебе и стол, и дом и – пардон – отхожее место.

– Да-а, дела... Все-таки хорошо бы поселиться в лесу!

– Еще бы! Но видишь, – незаметно перешел на «ты» приезжий, – нужно электричество, даже летом; какая-то дорога к дому, отвод участка. Это ж сколько надо денег! А здоровья!

– Не говори, – согласился Виктор Петрович. – Я прошлой осенью курятник соорудил – так себе избушка, так чуть кредит не пришлось брать. Все же дорого, а профлист на крышу, например, – ее пальмовыми листьями не закроешь. Да и не растут они у нас. Я говорю своей хозяйке: «За все эти строительные вложения можно было нам покупать яйца лет 50, и не утомляться!». «Нет, говорит, – как же без хозяйства? Соседи засмеют». Ну и вот. А старый курятник пошел на дрова. Жалко.

– А как же! Говорится же: «старый друг лучше новых двух!».

– Сейчас и старые куда-то подевались. А новых и вообще не видать.

– Именно, – Лев Иванович согласно кивнул, выбросил окурочек и сделал подсечку. Но рыбешка сорвалась.

Сумайкин тоже отправил щелчком окурочек на берег, чтобы не загрязнять акваторию и сказал:

– А я-то, грешным делом, поначалу подумал: вот приехал богатенький, не иначе коттедж в лесу хочет отгрохать. В водоохраной зоне. Вдали от шума городского, от вирусов, от ОБЭПа. Лишь на штыке у часового... – как там, забыл.

– Горит полночная звезда, – подсказал рыболов. – Но теперь с винтовками толстосумов не охраняют. Вчерашний день. Хотя к автомату тоже полагается штык. А насчет коттеджа – могу построить без кредита разве что двухэтажный курятник. Максимум – три этажа. Хотя, правда, купил сыну квартиру, когда еще работал. Однушку, язви их!

Виктор Петрович кивнул с уважением и доверительно промолвил:

– Но ведь ты где-то жил, не на улице же! Видно, что не бич, и вид у тебя представительный.

– Вестимо, не на улице. Но эту квартиру пришлось продать и купить тоже однушку другому сыну. А на разницу – дом в Новосельцево.

– Вон как! Да мы тоже – все для детишек.

– Известно: планида такая.

– Чего?

– Я говорю – доля наша такая.

– Дом, слышал, у Клюевых купил?

– У них. Да в основном моя половины спроворила – она клюевская родственница.

– А, да. Тут полдеревни родственники. Если покопаться, то и мы с тобой родня – через Анну. Ведь она мне троюродная... – в общем, родня.

– Потеха! Впору отметить такой факт посиделками.

– Так не проблема. Зайдем ко мне, немного отметим. Все равно тебе по пути.

– А что же, на промысел уже не пойдешь?

– Так уж отложу это дело. Прогулялся, подышал, на рыбалку посмотрел. Я вообще-то тоже рыбак, но больше – летом. Так что, пойдём?

– Ладно ли будет мне ни с того, ни с сего к вам заявляться? Вроде бы – незнамо зачем?

– А чего ж? За хорошее знакомство поднимем по маленькой. Надеюсь, тебе не противопоказано? Жена моя вменяемая, довольна будет, потому что гости у нас теперь нечасто: времена такие, вирусные.

– Я вообще говоря, не против, как я есть человек простой. Но зайдем по пути в магазин?

– Так-то дома все есть, вплоть до груздочков соленых, но если надо – давай зайдем.

Лев Иванович собрал свой улов, сгрузил в рюкзак, к которому приторочил складной стульчик, и поднял бур:

– Ну, нищему собраться – только подпоясаться. Я готов.

Миновав кустарник, росший по берегу реки, одолели некрутой, но длинный подъем и вышли к селу. Улица, по которой они двигались, оказалась весьма протяженной. Гуцин смотрел по сторонам, хотя проходил здесь уже не первый раз.

– Ах ты ж! – воскликнул вдруг абориген и нагнулся, подобрав что-то с земли. Это был неказистый бумажник из кожаменителя. Сумайкин осмотрел его, открыл. Внутри оказался вкладыш из тоненькой пачки пятитысячных купюр.

– Никаких опознавательных знаков, – пробормотал нашедший сокровище, осмотрев и внутренние поверхности кошелька, и пересчитал содержимое:

– 250 тысяч. Интересно, кто разбрасывается такими деньгами?

Гуцин пожал плечами:

– Подфартило тебе. Такой куш!

– Ничего хорошего. Лишние расходы.

– Как это?

– Так придется объявление в газету давать. А иначе как найдешь растяпу? А за объявление надо слегка платить.

– Хочешь вернуть владельцу? – и Лев Иванович странно посмотрел на Сумайкина.

– Ну, само собой, – отозвался Сумайкин и, в свою очередь, странно посмотрел на Гуцина. Тот почесал лоб, отодвинув шапку, и засмеялся:

– А я-то грешным делом, подумал...

И они стали смеяться вдвоем, так что у Сумайкина едва не вывалился из-за пояса топор.

– А вот и моя избушка, – молвил Виктор Петрович, указывая на дом, изрядно отодвинувшийся от дороги, идущей по улице.

«Наверное, чтобы пыли летело поменьше» – сообразил Лев Иванович, а вслух выразил неподдельное удивление:

– Избушка – хоть взвод загоняй на постой. А вы же, баешь – вдвоем с женой?

– Так это сейчас. А раньше в самый раз было, и даже тесновато, когда детишки подросли и первый внук объявился. А потом все помалу разбежались. И остались мы двое. Помещаемся. Да. Но наезжают временами, летом – так тут вообще галдеж и сутолока.

Дом и впрямь имел внушительные размеры: 10 на 12, и хотя второй, а равно и третий этаж отсутствовали, места в нем, конечно, хватало. Дополняла жилплощадь еще утепленная веранда, позволявшая обретаться в ней до самой зимы.

– Да-а, – протянул Лев Иванович, – Вдвоем, конечно, тут есть, где поместиться!

– А вон та баня, про которую я говорил, – показал в сторону свежего бревенчатого строения хозяин. – Смета, которую я прикидывал, превышена в два раза. Пожалуй, великовата вышла баня.

– Пожалуй, – согласился гость. – У тебя, Петрович, однако, тяга к грандиозности.

– Так почти все такие бани и строят: начал кто-то один, и пошло. Типа, мы-то чем хуже? Ну, правда, выполняет она и роль прачечной.

– Баня роскошная. Но ты про баню не говорил. Ты говорил про курятник.

– Ах ты, надо же! Голова садовая! Ведь точно, я про курятник говорил. Да вон он, за малиной. А баню-то еще раньше построил, но не так давно – видишь, еще не потемнела. Ну что же это мы все об архитектуре, да об архитектуре. Пойдем в дом!

Лев Иванович Гуцин, умудренный многими годами жизни, последовал за Сумайкиным с некоторой неуверенностью, не представляя, как отнесется к его неожиданному визиту хозяйка.

Но все прошло вполне благопристойно.

– К нам гость! – объявил Виктор Петрович, открывая дверь в дом, когда они разгрузили в сенях инструментарий.

– Да? – отозвался из кухни женский голос, и в прихожую вышла супруга Сумайкина.

– Здравствуйте! – поприветствовал ее Гуцин, втайне досадуя на себя, что согласился зайти. Чисто забулдыга – ни с того, ни с сего.

– Здравствуйте! – отозвалась она.

– Лев Иванович Гуцин, – представил его Сумайкин, – прошу любить и жаловать. Лидия Васильевна, – и он поклонился слегка в ее сторону. Да вы, наверное, знакомы.

– Ну, в нашем-то селе конечно, не затеряешься. Как Аннушка, Лев Иванович?

– Да помаленьку, помаленьку. Все не может нарадоваться, что в Новосельцево вернулась.

– Надо бы ее навестить, да все как-то времени не выберу. А вы вдвоем заходите. В выходные-то мы всегда дома.

– Передам. А я тут на рыбалку немного вышел – Анна-то не рыбак. Ну и повстречались с Виктором Петровичем на природе.

– А я и то подумала, куда же он ушел?

– Так ты же спала, не стал будить, – отвечал Сумайкин.

– Не спала уже, а дремала, вспоминала, что надо сегодня сделать.

– Ну, вот сейчас первоочередное – составить нам компанию.

– Вы вовремя. Как раз время к обеду. Да проходите, Лев Иванович, проходите, а то нас не переслушаешь!

– Садись, садись, Иваныч, – пододвинул гостю стул Сумайкин. – А, руки сполоснуть – пожалуйста! Рыба, когда не на столе, негоже пахнет. Сырая, то есть.

Он, в свою очередь, сел за стол и сам, достав прежде из холодильника бутылку водки. Затем придвинул стул для своей супруги и принялся нарезать хлеб и сало, пока она разливала в тарелки ярко-оранжевый борщ и накладывала в соленые грузди.

– Ну, за более близкое знакомство, мир и согласие между домами! – провозгласил тост Виктор Петрович, и все, в том числе и хозяйка, выпили ядреный холодный напиток.

– Да ты не смущайся, Иваныч! – закусив грибком, расплылся в ухмылке хозяин. – Наверное, непривычно показалось? Так это своего производства вещь, абсолютно экологичная, но и крепкая же, верно? Негоже мне отставать от народа: народ пьет свое – ну и я должен. Чем лучше, или хуже? Ведь не на продажу. Ну как?

– Забористый эликсир. И без отягчающих питье обстоятельств. Я помню, как-то занимался сосед мой изготовлением самогона. Сухой закон тогда приняли. Давно это. И все шло хорошо, продавал понемногу, хотя в ту пору все могло плохо кончиться. Государство не терпело такой конкуренции. А потом пришли трудные времена: возник почему-то дефицит сахара, и не из чего стало делать брагу. Но у него брат работал в колхозе – тогда еще такие существовали. Так вот в колхоз привозили патоку, попутный продукт сахарного производства. Подмешивали ее в корм коровам. Очень им нравилось. Да ты знаешь, конечно. И вот этот брат стал понемногу заимствовать у рогатых патоку, и из нее мой сосед гнал крепкий напиток. Страсть крепкий! Но пить его даже в пьяном виде было невозможно – до того вонючий. От одного запаха горло перехватывало. Уж пили только по крайней нужде. Ну, понятно, скоро патока до коров доходить почти перестала, потому что работники фермы тоже гнали самогон. Да и на заводе сахарном, наверное, не дураки. И живительный ручеек иссяк. И ладно, потому что дух то того самогона до обморока мог довести. А вот твой напиток вполне благородный по органолептике. Запросто может поспорить с хорошей водкой.

– Ну а как же! Что же это за человек такой, у которого даже самогона порядочного не получается. Уважения недостойн. Хотя я, понятно, не продаю. Да к тому же и депутат. Местный.

– О, законотворчество!

– Да уж... Ну, так давайте за то, чтобы любое дело делать как следует!

Нельзя сказать, что гость засиделся допоздна: хлебосольством хозяев он злоупотреблять не стал, выразался довольно современно и часа через полтора откланялся, заручившись их обещанием заглянуть к ним семейно в следующую же субботу.

Виктор Петрович жене говорить не стал, на кой же он таскался холодным утром за деревню. Как хорошо, что не рассказал! С этой работой... Пожалуй, еще немного, и можно было свихнуться. И сидеть, как обезьяна, на дереве. Хотя, с другой стороны – вон и Гуцин имел такую мысль. Так что же – у дураков ведь мысли сходятся. Проводив за ворота рыболова, он уже закрывал калитку, как вдруг раздался негромкий звук автомобильного клаксона. Виктор Петрович остановился. К воротам подкатила черная, еще довольно новая «Ауди».

Глава 3

В ближайшем минигипермаркете «Форчун» приезжие под водительством Николая начали мониторинг стоимости товаров с продовольственного отдела. Поскольку здесь продавалась наиболее востребованная и животрепещущая продукция. Хотя, случалось, и не первой свежести. Но вины хозяйки торговой точки тут не было: она делала заявку на следующий привоз, и привозили в том числе просроченные яства. В особо щекотливых ситуациях такие она заворачивала, что вызывало большое неудовольствие поставщика. Кроме того, при этом неизбежно получался недобор выручки. Поэтому скрепя сердце Дарья Сизова принимала иногда и «просрочку». И, надо сказать, за три года работы предприятия торговли никто в селе не отравился. По крайней мере, до госпитализации дело не доходило. Может, все обошлось легкой диареей. Это тем более казалось отрадным, что ведь в Новосельцево функционировали и другие магазины. Всего их насчитывалось семь, как сообщил Николай. Сам он, поприветствовав продавщицу, купил пачку сигарет и вышел. Тут, согласно разработанной схеме действий, горожане разделились: Федор принялся изучать цены на различные напитки, начиная от коньяка и водки и кончая соками, колой, детским шампанским и безалкогольным пивом. Справедливости ради следует сказать, что два последних артикула значились только в его городском прейскуранте: здесь они отсутствовали, поскольку торговать такой чепухой Дарья Сизова напрочь отказалась сразу. Кто станет пить безалкогольное пиво в уважающем себя селе? Но и без того объем работы у Федора оказался немал: виски, коньяк, бренди, текила, ром, водка, вина – и каждый вид этих напитков имел по несколько разновидностей. Одной только водки – до 20 наименований. Не проще достался фронт работ и Андрею, который учитывал цены на крупы, хлебобулочные и макаронные изделия, а также на мясо и рыбу, включая продукты их переработки. Валентина занималась изучением цен на молоко и молочную продукцию, а кроме того – на весь ассортимент кондитерских изделий. Дарья Сизова, обслуживающая этот важнейший отдел, поначалу предлагала кое-что из съестного, но не встретив заинтересованности, впала в панику, решив, что это нагрянули какие-то неведомые контролеры, и затаилась. Между тем, покончив за полчаса с продовольствием, посетители переместились в отдел промышленных товаров, и на него времени у них ушло никак не меньше. Тут молодая продавщица с испуганными глазами уж ничего не предлагала, а лишь прикидывала в уме, весь ли штраф будет платить хозяйка, или навесит часть и на нее. И во сколько это выльется?

Однако же приезжие никаких актов писать не стали, лишних вопросов задавать – тоже, и купили перед уходом две бутылки обычного пива, мороженое и батарейку к электрочасам.

– Да, спохватилась, уже подойдя к дверям, молодая дама, – а случайно, у вас не сохранилось здесь старых ковров, ковриков – с оленями, с прудами? Может, осталось с прежних времен что-то такое дома? Мне нужно для музея деревенской старины.

У обеих тружениц прилавка округлились глаза.

– Теперь и такой есть? – наконец, спросила хозяйка.

– Ну а как же! Есть же музеи часов, утюгов, чайников, фарфоровых фигурок, не говоря уж о картинах. А у нас организуется музей старинных ковров. Наших, отечественных, не персидских.

– Вон что! У нас бабушка берегла один такой, где волки гонятся за тройкой на лесной дороге. Да. Но потом родители потихоньку от нее выкинули его, когда белили. Сказали, после побелки не могут найти. И купили потом современный, по благу. Но его я тоже давно уже выбросила. – И Дарья Сизова перевела взгляд на помощницу.

– А мы вообще коврами не заморачиваемся, – вступила в разговор та, – немодно. Вчерашний день. Это надо спрашивать пенсионеров. У них, может, осталось. Не на стене, так где-нибудь в сундуках.

– Спасибо, – отвечала ненастоящая музейщица. Хорошая идея.

– Надо же, – обменялись мнениями вышедшие на улицу посетители – немодно! Как в Париже!

– Новосельцево, чего же еще!

Дальнейший мониторинг цен в селе не занял много времени, ибо здесь они практически оказались одинаковы во всех магазинах. Настроение всех троих начинало падать, поскольку даже беглого взгляда на ценники местных торговых точек хватило, чтобы разбить радужные надежды. Лишь Николай беззаботно насвистывал незатейливую мелодию, сидя в машине с приоткрытой дверцей, пока гости трудились у прилавков. Он не имел данных с ценами в городских заведениях торговли, равно, как и на оптовых базах. Наконец, все присоединились к Лузину и, усевшись на свои места, приступили к анализу собранного материала.

– Что делается! – обескуражено воскликнула Валентина, сравнив стоимость кондитерских изделий в облцентре и Новосельцево. – Да тут почти половина наименований дешевле! Как это можно? Ведь доставка, логистика, а?

– Да, полнейшая ерунда получается, – сумрачно отозвался Федор, сверяя ценовые показатели двух населенных пунктов по разделу «Вино-соки-воды».

– Ничего хорошего, – подтвердил и Андрей. – Тут только маргарин да горчица дороже. Ну, и еще тунец в собственном масле, да молоко.

– Молоко-то почему? – удивилась Валентина.

– Деревня! – последовал ответ. – Молоко, хлеб – всегда в деревне дороже. Старая традиция.

– Да, тут особенно много не наварить, – задумчиво промолвил Федор. – Рядовая водка аж на пять рублей дешевле. Хотя есть и которые дороже. Придется нам потрудиться, чтобы чего-то выкроить. «Ну надо же, какое неприветливое село!» – подумал он исключительно про себя, памятуя о присутствии владельца крупной бани.

– Забодаемся искать на оптовках подходящие цены, – согласился Андрей.

– Что, дешевые у нас магазины? – с ноткой гордости поинтересовался заскучавший уже Николай.

– Да уж, наших ожиданий не оправдывают, – отозвалась Валентина.

– А женщины наши местные все ругаются – дескать, дорого.

– А мужики?

– Мужики будут брать за любую цену. Хотя многие гонят сами.

– А-а. Тогда, конечно. Им легче.

Николай, которому прискучило ждать окончания исследований, стал проявлять признаки нетерпения

– Ну, так что? – спросило он, наконец. – На чем остановимся? Они тоже ушлые, наши торговцы, нос по ветру держат. Зря не продешевят.

– Отказываться от задумки не станем, да, Андрюха? Пошукаем как следует в городе, найдем что-то подешевле. Весь ассортимент нам пока ни к чему – будем завозить, что повыгоднее. А остальное – только для поддержания товарного разнообразия. Так что надо приискивать помещение. Но пока развернемся... Эх, одно дело забыли: насчет водочки, – Федор мимолетно взглянул на Лузина. – Нешто вернуться?

– Возвращаться – плохая примета, – напомнила Валентина.

– Плохая, – эхом повторил Андрей. – Давайте хотя бы в тот магазин, где мужик заведует!

– Какая разница? – обиделась Валентина.

– Ну, все-таки мужик как-то душевнее относится к спиртным напиткам. Да и ведра пустые при нем не вредят.

– Много ты понимаешь! – возмутилась Валентина, но потом махнула рукой:

– Ладно, делайте, как хотите. Может, что получится.

– Николай, мы мигом! – сказал Федор Лузину, – а то давай с нами!

– Да чего я буду путаться под ногами? Тут посижу, с Валентиной. Мы перекурим. А, не куришь? Придется отдуваться мне одному.

В магазине «Нива» из покупателей случился только худой мужик в заношенной почти до дыр кожаной куртке и меховой, тоже хлебнувшей горя, кепке. Он стоял у прилавка напротив хозяина и что-то вполголоса втолковывал ему. Продавец отрицательно качал головой. «Стало быть, издержался товарищ, просит в долг» – догадался Федор, вошедший первым. Тем временем из-за прилавка просителю была протянута бутылка водки, которую он тут же погрузил в нагрудный карман.

– Ну, пока, – сказал затем выпивоха и направился к двери.

– Пока, – прозвучал без эмоций ответ.

– Здравствуй еще раз, – обратился к работнику торговли Федор, и сочувственно спросил:

– Все в долг просят, «до той пятницы»?

– Не совсем так, – отвечал тот, переставляя банки, – это я у него в долгу.

– А, вон что. Всяко бывает. А мы вот с другом моим имеем деловое предложение к вам. – Федор оглянулся на дверь и понизил голос. Продавец оперся локтями о прилавок, приготовившись слушать.

– Хотим мы предложить вам водочку – не вагон сразу, а по мере надобности. Она в целом хорошая.

– Я так понимаю – левая? Фальсификат – по-компетентски?

– Хорошая, – упрямо повторил Федор, а Андрей в подтверждение энергично затряс головой.

– Да, только свяжись – придется всю эту паленку самому выпивать. Я ведь тоже... Видели товарища, который вышел? Так он много поставлял этой водки. С похмелья-то мужики берут, дешево потому что. Куда денешься? Но чтобы на нормальный стол – ни-ни! Там жены распоряжаются. И вот взял я, не подумавши, 20 ящиков. И приходится дома держать: вдруг проверка? По пять штук приношу. И сам пью это пойло, между делом, чтоб скорее кончилось. И этот товарищ помогает. Так не мне одному помогает. Скоро, чаю, сопьется. Вот такие пироги. Короче, не договоримся.

– Да, тяжелый случай. Картина понятная; сочувствуем всей душой и можем купить бутылочку на пробу. Чтобы облегчить ваше бремя. Но есть другое, вполне приемлемое предложение: мы можем доставлять вам гречку по цене в полтора раза меньше обычной.

– Хм, интересно. Это что же за гречка такая? Из советских запасов, что ли?

– Ну что ты? – перешел на фамильярную форму общения Федор, поскольку был знаком с продавцом уже около десяти минут. – Того года урожай, новейший. Китайский. Мэйд ин Чайна.

– Так, поди, искусственная? Слышно, рис они уже пластиковый гонят. Тоже, говорят – страсть дешевый! Куриные яйца подделывают. Мясо – без проблем.

– Ну, гречку, я думаю, трудно подделать. Это же надо какие затраты понести!

– Нет, мужики, не лежит у меня душа к китайский гречихе. Чует сердце, она не из семейства маревых. И вообще, неизвестно, из семейства ли природного? Давайте что-нибудь попроще. Рассмотрим. Например, российскую гречиху по китайской цене.

Гости разочарованно посмотрели друг на друга.

– Тогда, пожалуй, нам водочки не надо, – заключил Андрей. – Нету повода.

- Как прикажете, – тоже разочарованно сказал продавец, мстительно добавив затем:
- А я, пожалуй, выпью.

И он повернулся к несостоявшимся партнерам задом, доставая с полки бутылку с золотисто-коричневым содержимым.

– Николай Семенович, а у вас, случайно, не завалился где-нибудь старинный коврик середины прошлого века? Можно – более ранний? – поинтересовалась Валентина, опечаленная текущими неудачами экспедиции.

– Ну, где там, – рассмеялся Лузин, – это надо спрашивать у аксакалов наших. Да еще некоторые живут самостоятельно, а не при детях-внуках. Молодые-то все старье страсть не любят! Выбрасывают.

– Да, пожалуй, что так, – согласилась Валентина. – Нам уже говорили. А где бы таких найти?

– Можно узнать у бабы Маши, у Коптеловой, еще у Фоминых, ну, у Виктора Петровича. Он как бы еще художник, так что может и сохранить старое изо.

– Тогда к нему и заедем, для начала?

– Валя, нам еще домой добираться, – напомнил Андрей. – Давай в следующий раз, все равно ведь дел у нас тут еще много. Завтра и приедем, точно, Федя?

– Да, надо еще кое-что на досуге обмозговать. Дома. Семеныч, так ты еще прикинь, где можно организовать магазинчик. Все-таки пока мы от этой идеи не отказываемся.

– Но только настраивайтесь рвать и метать в темпе. Сегодня мы ухлопали на изучение цен полдня. Оправданно?

– Даже отрицательный результат – результат. А у нас имеются и плюсы.

– Ну-ну. Так на завтра какие планы?

– Ну, начнем теперь с ковров, с этого Виктора – как? Ну да, Петровича. Уж больно запали эти ковры в душу Валентине. Ничего не поделаешь: работа. Музей ждет. Изнывает. А все-таки какая жалость: такое заштатное, дальнее село, заманчивое, а цены... Ну как жить? И взятки никто не дает. И вот хлещемся, почему зря, мониторим. Свинство!

Что же ввергло тройку молодых людей в такой неблагодарный поиск?

Организатором всех треволений явился родной дядька Федора Киселева и Валентины Зориной Виктор Джеральдович Клепацкий. Вплотную приблизившись к 50 годам, он уехал куда-то на Дальний Восток и года через четыре вернулся, немного нервный, но со средствами. Чем он там занимался, Клепацкий не распространялся. Хотя говорили всякое. Вплоть до того, что местную красную рыбу, стоившую копейки, он выдавал за норвежскую, выращенную в садках при полном присутствии моря. То есть экологически выдержанную. И продавал в отдалении от Тихоокеанских берегов по весьма завышенной цене. Уж как он организовывал сертификаты, осталось тайной, но что деньги у него стали водиться – факт. Вообще, много чего приписывали Виктору Джеральдовичу, вплоть до участия в пиратских налетах и контрабанде галапагосских черепах. Но в Снежнодольске он вел размеренный образ жизни добропорядочного и умеренного, даже ограниченного в средствах предпринимателя. Так что и завидовать ему не приходилось, а уж тем более – на него сердать. Многим он вообще казался обходительным и человеколюбивым. Почему нет?

Родным сестрам его и в голову не приходило, что на старости лет Виктор может выкинуть что-нибудь предосудительное, тем более – преступное. Поэтому мать Валентины, его младшая сестра, попросила пристроить куда-нито ее дочь на полгода – до тех пор, пока не освободится место в турагентстве, где работала давняя подруга. Последняя обещала без проблем устроить Валентину, как только старейшая работница фирмы достигнет пенсионного возраста. Поразмыслив, Виктор Джеральдович дал согласие, хотя особо теплых чувств к родственникам не испытывал, будучи всецело поглощен мыслями о наращивании капитала. Но, поскольку пле-

мянница получила диплом специалиста по организации туризма, она показалась ему полезным кадром. Жаль, без опыта. Опыт придется нарабатывать, его не преподают в аудиториях. Еще несколько поразмыслив, он решил укрепить Валентину другим родственником – тоже племянником, Андреем Климовым. Ими он задумал заменить Бургомистрова – выходца из управленческих кругов, которому поручил освоение некоего села Новосельцево в глубинке. Село выглядело перспективным с точки зрения создания там туристического комплекса. Глубинка – не проблема: таскаются же туристы по сингапурам, микронезиям, добираются даже до острова Пасхи. Что им новосельцево – почитай, в середине России! Бургомистров отличался замечательной речистостью, что сулило успех предприятию. Практически, готовый руководитель. Однако ожидания не оправдались – глагол Бургомистрова никак не давал практического результата. И работодатель Клепацкий решил расстаться с этим человеком. Тут как раз и появилась на горизонте Зорина, а затем и Климов, которым отныне суждено было претворять в жизнь замыслы старшего родственника. Выстраивая таким образом кадровую политику в данном конкретном случае, их дядька не заикливался на одном только Новосельцево: имелись у него интересы и в других направлениях, как географически, так и по роду деятельности. Ибо наращивание капитала не терпит самоуспокоения.

В общих чертах он посвятил племянников в свои планы. Ничего сверхординарного от них не требовалось, нужно только неуклонно выполнять определенную работу, а именно – склонять жителей, и прежде всего руководство поселения к мысли, что совершенно необходимо устроить при селе туристическую базу. Чтобы рубли и инвалюта потекли в карманы местных жителей. Ну и, понятно, при этом следовало жить непосредственно в Новосельцево. Параллельно, мыслил дядя, они заведут по месту жительства торговлю. Для этого на первом этапе придется претерпеть убытки, организовав ее, но затем должна появиться и прибыль. А там, возможно, наклюнется и еще что-то.

Более умудренный жизнью Федор, будучи на восемь месяцев старше кузины, довольно осмотрительно подошел к этому делу. Наученный опытом различного жульничества при работе таксистом, прежде всего он деликатно намекнул дядьке на то, что его заработок никак не должен уступать тому, что Климов получал, гоняя на маршрутке. Заодно он предположил, что и Валентине потребуется оплата, достаточная не только на косметику.

Пожить некоторое время в деревне – это, конечно, не штука, но тут возникли некоторые осложнения в виде Андрея Линева, бойфренда Валентины. Таковым он считал себя сам. Что думала по этому поводу она, понять не представлялось возможным. Во всяком случае, скандалов с изгнанием его из своего окружения Зорина не устраивала. Об этом обременении Андрей не преминул сообщить Клепацкому в беседе с глазу на глаз. Чтобы не возникло недоразумений.

– Да мне какое дело, – рассудил дядька, – пусть будет приятель. Андрей, говоришь? Ну, пусть будет Андрей. Но только жалованье ему положить я не могу, сам понимаешь. Не платить же только за то, что он приятель?

Тут, конечно, спорить не приходилось.

– Да я к слову, – ответил Федор, – для ясности.

– Ну-ну. А там видно будет. Как пойдут дела. Прежде времени говорить бы не хотелось, ну да ладно – в двух словах. Там недалеко за Новосельцевым, минеральные источники есть, крайне полезные. Народ местный – это из ближней деревни – Боровки, кажется, или Боровое – там себя пользовал раньше от всяких недугов. Со временем выходы источника заросли травой, завалены мусором – сейчас действует, кажется, один. Лечатся уже таблетками. Так вот, специалисты заинтересовались этим делом, как же: есть Ессентуки, Кисловодск, Аршан там, Кука и так далее. А мы чем хуже? Вопрос только – не хилый ли это ручеек, одному человеку напиться? И устроили небольшое исследование.

Клепацкий повертел в руках отделанную серебром трубку, со вздохом отложил к посеребренной тоже пепельнице:

– Бросаю. Так вот, предварительно они установили, что запасы минеральной воды под Новосельцевым объемом чуть меньше, чем озеро Зайсан. Разумеешь?

– Разумею. Это, конечно, серьезно.

– Вот именно. Лишь бы ничего не сорвалось. Если все пойдет, как надо, при деле окажется и ваш Андрей, и много еще народу. Но надо, само собой, уметь работать. А пока ни ему, никому – ни гу-гу!

С Андреем Федор познакомился давно, поскольку тот постоянно обретался где-то в непосредственной близости от Валентины. Приятель ее учился на юриста, но нынче отдыхал от штудий, взяв академический отпуск. Втроем они принялись обсуждать предложение Виктора Джеральдовича.

– Мне вообще-то терять нечего, – сказала Валентина, – если он пообещал среднюю зарплату, чего же не потрудиться?

К Андрею она никак не адресовалась.

– А я вот думаю – с чего вдруг согласился? – покачал головой Федор. – Кот в мешке! Ну да ладно, попытка – не пытка.

– Главное, не увязнуть там насовсем, – вставил Линева, – а то будешь ты потом сидеть на завалинке летом в валенках с галошами.

Валентина засмеялась.

Федор пожал плечами, продолжая о чем-то сосредоточенно размышлять.

– Вот, думаю, сколько времени нужно, например, чтобы открыть магазин? Если с нуля? Наверно, не меньше месяца.

– А вообще, – осторожно начал Линева, не кажется тебе, Федя, что дядя ваш немного... Ну, какая в деревне турбаза? Там ни моря, ни скал, ни папуасов. И декабристы там не жили, айвенги не заглядывали. Наши мужики на папуасов не тянут, к восстаниям непричастны. А если касается недропользования, тут вообще тоска такая! Необъяснимая словами.

– Вообще, тут ты слегка прав. А может, и не слегка. Особенно с этими картинками на портянках, да, Валя?

– Что поделаешь! Дядя пошел нам навстречу, должны и мы подставить ему плечо, – отважно заявила сестра.

– Тем более, что он все-таки при деньгах, хотя начинал ни с чего. Видишь, чудаков же много, у каждого свои прожекты, кто-то попадает в яблочко, кто-то – нет. Как повезет. От ширины и глубины ума не все зависит. Среди толстосумов разве мало психов? Да почитай, все. Каждый по-своему с ума сходит. Как и всякий порядочный человек.

– А насчет старых художеств на клеенках и прочих кустарных коврах, – ну да, там примитивизм и наивизм, и еще что попало. Но если вспомнить о начале авангардизма – у нас же его не признавали за искусство. Картины никто не покупал, а если покупали, то такие же неадекватные товарищи, как и сами авангардисты. Нашелся один исключительный фанат этих живописей, грек, не помню фамилию – и он скупал их за копейки. И коллекционировал, коллекционировал страшно долго. Потому что авангардисты, несмотря на брань по своему адресу, в стране не переводились. И вот пришло время, когда в мире хватились: а где же авангардные работы первой половины 20-го? Ведь были! И тут этот грек выставил свое собрание. Что было! Цена подскочила в миллион раз! Каждая картина – шедевр! – Валентина перевела дыхание:

– Так, может статься, дядя не напрасно запал на разрисованные клеенки? И когда-нибудь за ними будут гоняться мировые музеи?

Линева почесал в затылке и с непередаваемым почтением поглядел на Валентину.

– Может, и будут, – сказал он. – Я думаю, даже наверняка. Тогда ты будешь, наверное, главный спец по ним? Я серьезно.

– Поживем – увидим, – с достоинством отвечала собирательница изобразительной старины.

- Везет же! – с деланным изумлением обронил Федор. – Если бы ты не сестра, обзавидовался бы я черной завистью. Хотя терпеть не могу авангард. Отстал, видно, от цивилизации.
- Смейтесь, смейтесь! Хорошо смеется тот, кто не торопится.

Глава 4

Виктор Петрович остановился, затворив обратно калитку. Из авто выгрузился представительный мужчина выше средних лет, прилично одетый, хотя и без галстука. Горожанин, судя по отсутствию апрельской грязи на туфлях.

– Здравствуйте! – приятным басом поприветствовал он хозяина. – Я хотел бы увидеть Виктора Петровича Сумайкина. Я правильно остановился?

– Правильно, – кивнув, подтвердил Виктор Петрович. – Чем обязан?

– Видите ли, какое дело, – доверительно сказал прибывший, приблизившись, – я – Копылов Сергей Иванович, строитель и экономист.

– О! – воскликнул Виктор Петрович, – Виктор Петрович.

– Очень приятно. А дело-то касается бросовой земли. У вас же есть неудобье, тут за селом, на склоне горы. Не пашется, не сеется, словом, неиспользуемый участок. Лоб, кажется, называется. Так вот есть мысль соорудить здесь небольшой туристический центр. С обслуживающей инфраструктурой. Ну, там маленькая гостиница, бар и прочее.

Сумайкин потер переносицу:

– А при чем же здесь я? Я такие вопросы не решаю.

– Ну что вы, Виктор Петрович, именно вы такие вопросы решаете! Как народный представитель, член сельского парламента. – И гость слегка наклонил голову.

– Ах, вот оно что!

– Ну да, конечно. Я обращался к главе поселения, но Кабанов сослался на членов думы – что, мол, они никак не согласны отдавать кому-то этот участок в аренду. Он мой старый знакомый, однокашник, можно сказать. Но единолично решить такой вопрос не может.

– Хм. Я припоминаю теперь – заходил как-то разговор об этом. На заседании нашем. Но все высказались против: там решили сделать горнолыжную трассу для местного населения. Ну и, может быть, со временем – чайную какую-нибудь с горячими пирожками. Потому что на свежем воздухе аппетит пробуждается.

– Это зимой. А летом? Летом ведь там будет пусто!

– Устроим детский городок. Планы большие.

– Но эти планы, я слышал, уже который год планируются. А в натуре ничего пока нет.

– Так не все сразу. У нас же запрягают долго, а ездят-то – ого-го! – Виктор Петрович почему-то развел во всю ширину руки.

– Да ведь и наша задумка обеспечит вам все, что вы планируете, и даже вплоть до колеса обозрения. Ведь вам никаких затрат и хлопот, одно только удовольствие. А глава что-то уперся: народ будет против – говорит. И направил меня к вам, как к активисту. Мол, если договоритесь с Виктором Петровичем – уже полдела. Мол, он человек авторитетный и в Новосельцеве большой вес имеет. Хорошо бы, если бы вы склонили на свою сторону депутатов.

Гость огляделся по сторонам и вполголоса промолвил:

– А за благодарностью нашей дело не станет!

– Так это пользование будет ведь платным? – пропустив ключевую фразу гостя мимо ушей, спросил Сумайкин.

– Чисто символическая плата, чисто символическая! – с жаром отвечал поборник турбаз.

– А у нас – бесплатно!

– Ну... Тут можно обговорить нюансы, – помявшись, сказал приезжий. – Скажем, для жителей вашего села мы бы сделали 50-процентную скидку. Зато ведь полный сервис! И глава бы в таком случае ничего не сказал против.

Гость и в самом деле имел беседу с главой новосельцевской администрации, и тут сказал Сумайкину чистую правду. Почему бы и не поговорить с главою – ведь в свое время они учились на одном курсе института, постигая премудрости капиталистической экономики. Хотя преподаватели учились еще по социалистическим учебникам. Но новый курс они преподавали с большим жаром и знанием дела. А может – и с небольшим. Как бы то ни было, совместные годы учебы являлись уже достаточным поводом для встречи. Тем более, они не виделись со времени окончания вуза – тому уж скоро двадцать лет. Однако же никак не менее важным являлось и дело, касающееся устройства на окраине Новосельцева туристической базы. Правду сказать, как раз оно-то и представляло собой главную цель визита бывшего однокашника к главе Кабанову.

– Федя! – крикнул придушенным голосом с порога кондовый горожанин, проявляя удивительную, несвойственную такому человеку сентиментальность.

– А? – привстал за столом застигнутый врасплох глава поселения. – Тут же искра узнавания блеснула в его глазах, и он окончательно покинул кресло:

– Серега! Каким ветром?

Они похлопали друг друга по плечам, и даже обнялись, хотя целоваться не стали.

– Да вот, есть у меня в окружающих территориях дела, – рассказывал гость, усаживаясь на предложенный стул, – думаю, как же не навестить старинного приятеля!

– Ну, хорошо! Ну, молодец! – восклицал Кабанов, сдвигая с приставного стола папки с бумагами, карандашницы и прочую бюрократическую бутафорию. Тут же он распахнул дверцу сейфа и извлек бутылку водки.

– Или ты отвык от родимой? Я могу послать за коньячком!

– Ну, что ты? Как может порядочный, патриотичный человек воротить нос от водки? Но только ведь, понимаешь – я за рулем.

– Да какие дела? В кои веки встретились старые студенты. Заночуешь у меня. Там уж и отметим встречу как следует! Или у тебя начальство суровое, поминутный отчет требует? Названивает по телефону?

– Начальством особенно не обременен. Реализую почти собственный проект.

– Ну вот; стало быть, дело решенное! – с этими словами хозяин кабинета наполнил две стопки замечательным напитком, без которого не обходится ни одно стоящее дело.

– Ну, за встречу!

– За встречу! – отозвался гость, и они выпили. Стол был накрыт куском подсохшей уже колбасы, быстро нарезанной Кабановым на кривые куски. То, что полукопченая еще и подвялилась от длительного хранения в железном ящике, придавало ей особо пикантный вкус. Она могла бы пролежать еще месяц-другой без всякого ущерба для качества – современные колбасы не подвергаются протуханию. Вот только излишне жестковата.

– Э, что же это я! – спохватился глава. – Закусываем-то мы без хлеба! Сейчас я в бухгалтерию: женщины имеют привычку временами пить чай и чего только не приносят! Разные плюшки-постряпушки, только что еще борщ не несут.

И, отлучившись на минуту, он вернулся с краюхой каравая и полудюжиной пирожков:

– Ну вот, теперь другое дело!

– Ха-ха, – раздалось в ответ. – Но я еще хотел сказать тоже о деле...

– Говори, – разрешил довольный Кабанов, наполняя рифленные стопочки.

– Так, видишь ли, есть идея соорудить небольшой туристический объект, где-то посреди природы, и в то же время недалеко от промышленных и культурных центров. От нашего облцентра, например. Посмотрел я всякие местности, прозондировал по карте – получается, больше всего подходит для этой цели Новосельцево. Тут и лес, и горы, и река, озерки-болотца и есть свободные участки. Тут я был проездом, года два назад, но к тебе не забежал – ехал с бригадой ответственных. Им для развития областного туризма требовалось подыскать под-

ходящие маршруты. Но Новосельцево спецам не поглянулось, а мне поглянулось, наоборот. Так их лошадь тихо ходит. И вот подумал я: а почему бы мне не заняться туризмом, в частном порядке? И прибыл сюда, как видишь.

Сергея, он же Сергей Иванович Копылов, не сказал, что имелись места и более привлекательные, нежели Новосельцево, да только там и слышать не хотели о вторжении каких бы то ни было предпринимателей – мол, сыты ими по горло. Никакие увещевания и перспективы бурного роста благосостояния, прорыва в уровне жизни сельчан не давали результата. Тут и вспомнилось его патрону Клепацкому Новосельцево – не Эльдorado, но и не самый захудалый вариант. Особенно в связи с целебной водой в источнике неподалеку от села.

– Н-да, – в раздумье сказал Федор Федорович Кабанов, – озадачил ты меня. Прямо сказать – озадачил. Тут без этого самого – кивнул он на бутылку – не разберешься. – И налил по полной.

– Так ты, значит, имеешь в виду пустошь на окраине, на склоне горы? – спросил он затем, когда оба выпили и закусили пирожками с тушеной капустой.

– Да, про нее и речь. Ведь для хозяйственных нужд села она непригодна? Я, конечно, понимаю: – там земельный комитет, может быть, аукционы, но надо заручиться поддержкой населения сначала. Так сказать, подготовить почву под ниву, как говорят на сельхозсовещаниях. Тем более, если она совсем бесполезна.

– Как сказать. Видишь ли, там наши активисты предлагают организовать зону отдыха с детскими всякими аттракционами. И мысль неплохая. Только все упирается в деньги, руки-то найдутся свои, но ведь нужны материалы, да много еще чего: возмись только строить! – И Кабанов с некоторой грустью посмотрел в окно, где виднелись дома, требующие косметического, а иные – даже и капитального ремонта. Хотя село сравнительно молодое.

– Это да, – согласился предприниматель. – Вот и у наших областных активистов уж сколько лет разговор о туризме идет, а воз на том же месте. Известное дело. А тут мы бы все устроили быстро, и от туристов поселению текла бы только прибыль, без всяких побочных отходов. Как в тайландах разных, в анталиях и люксембургах.

Глава потер переносицу

– Понимаешь, тут примерно с таким же предложением обращался один товарищ, месяца два назад. Углев или Сажин, Головнин... Не помню. Пришлось отказать. Потому что местный наш актив встретил такой чужеродный проект прям в штыки. Да ты что! Прям оторопь. Ты с таким господином не знаком, случайно?

– Нет, не знаком. Но надо всем жить, вот люди и ищут, копытят, так сказать.

Копылов не стал говорить, что Иван Угаров состоял в той же команде, что и сам Сергей Иванович и что Копылов сам посылал его в Новоселково на предмет прощупать почву. Как раз, когда у Бургомистра дело не пошло, и Клепацкий попросил его, Сергея Ивановича, подключить к поиску кого-то другого, а лучше – подключиться самому.

– И что, за прошедшее время деньги нашлись?

– Нет денег, – сокрушенно отвечал Кабанов. – Как не было, так и нет. Меценатов у нас не густо.

– Вот видишь. А так все какая-нибудь копеечка бы текла.

– Давай-ка поднимем, – вздохнув, сказал Федор Федорович и снова наполнил стопки.

– Давай.

– Пожалуй, трудновато будет мне пробить это дело, – отставив пустой сосуд, в раздумье произнес Кабанов. – По правде сказать, даже и невозможно. Вот если бы уговорить на это дело Сумайкина, Виктора Петровича – депутат наш, активист; да еще бы двух-трех человек...

– Они что, к руководителю не прислушиваются?

– У всех свои соображения. Что тут сделаешь?

– Послушай, Федя, – придвинувшись ближе, вполголоса произнес Копылов, – а разве у тебя нет инструмента воздействия на подчиненных?

– Ты имеешь в виду глаголом жечь?

– Ну, причем тут глаголы, сказуемое и подлежащее? Нужно нажимать на компромат!

– То есть?

– Ты что, совсем не в теме? Но ведь каждый грамотный, ответственный руководитель суммирует и аккумулирует компромат на подчиненных. Особенно на слишком притких. Чем больше, тем лучше. В нужный момент достает его и предъявляет товарищу. И все: писк прекратился. Человек становится покладистым, как он есть на крючке. И вот скажи, какой депутат поперет против?

– Не все же увязли в жульничестве!

– Хе, нет человека без греха. Да, в конце концов, есть у него семья, сын, может, даже двое-трое оболтусов – уж один-то точно не паинька. Двоюродный дядя – браконьер, невестка – растратчица. Да мало ли!

– Ну, ладно, а когда же, по-твоему, я должен собирать компромат? На это уйдут годы. Никаких заготовок тут у меня нет.

– Да, я чувствую. Ну как же так? Ты ведь уже не ребенок, Федя!

– Как есть. Нужды не имелось в этом деле.

– А зря. Пригодилось бы в любом случае.

– Так какой компромат? Тут без компромата-то собрать думу на заседание – проблема. С этим кворумом забодались. Если еще компроматом оперировать – вообще депутаты разбегутся. Они же не оплачиваемые. А тут еще это... Нет,дохлый номер.

– Ну и порядки у вас! – разочарованно уронил Копылов. – Конечно, я понимаю – деревня, но все-таки какая-то цивилизация должна присутствовать.

– Кое-что есть: вай-фай, например, заезжие артисты. Дороговаты только, да что поделаешь! Зато несут культуру. А в остальном пока, конечно, отстаем от Парижа, даже от Лиона, не говоря уж об Арле.

Федор Федорович почему-то начал уже жалеть, что пригласил гостя заночевать у себя дома. Чего доброго, тот сумеет и за короткое время выудить какой-нибудь компромат на него, Кабанова. Мало ли, что бывший однокурсник говорил о компромате во хмелю. Это ничего не меняет. Дела!

Тем временем рабочий день подходил к концу, главе постоянно звонили, торопясь прояснить сегодня же какие-то ситуации; Копылов решил, что подошло время освободить главу поселения и нанести визит депутату Сумайкину. Сергей Иванович известил об этом намерении Кабанова и, получив нужный адрес, отправился по нему, предварительно пожевав лист лавра, пачку с которым ему любезно предложил руководитель.

Глава 5

Назавтра поутру, как было запланировано накануне, трое исследователей розничных цен в селе Новосельцеве вновь прибыли сюда, и первым делом наведались к Виктору Петровичу Сумайкину. Субботний день говорил за то, что никакими служебными думскими вопросами обременен он не будет, и выберется время для обстоятельного разговора. Так и случилось. Николай Семенович Лузин, назвав им улицу и номер дома, к активисту не поехал, что пришлось кстати. Они, таким образом, могли вести беседу без лишних глаз.

Первой, после взаимных приветствий с хозяином, начала ее Валентина.

– У меня, Виктор Петрович, общественно ценная задача, – сообщила она, справедливо полагая, что такая ее миссия будет встречена с полным сочувствием.

Сумайкин вскинул брови и одобрительно хмыкнул.

– У нас в областном центре создается музей старинных художественных изделий. Собираем работы мастеров-кустарей. Не то, чтобы народные промыслы, но близко к этому. В данное время нам интересны ковры и панно, гобелены, выполненные вручную. Оригиналы, показывающие высоты мастерства. Это часто делалось на клеенках, мешковине, на рогоже, на досках – когда как. За древними вещицами мы не гонимся, но если найдутся и такие – будем рады. И, конечно, заплатим, хотя и скромно. Есть что-то такое у вас?

Сумайкин на минуту задумался, потер правый висок, активизируя мыслительную деятельность и, наконец, произнес:

– Надо посмотреть. Когда-то было... Хотя я не уверен. Если не торопитесь, подождите, я проведу раскопки. А коли недосуг, заезжайте позже. Мне потребуется около получаса.

– Вот спасибо! Мы здесь подождем, – заулыбалась Валентина.

Паче чаяния, сельский умелец появился только через час, весь в пыли, но очень довольный.

– Вот! – торжествуя молвил он, поднимая в руке тоже пыльную тряпку, сложенную вчетверо, и с размаху хлестнул ею об угол палисада.

– Ой, осторожно! – испуганно воскликнула Валентина, выскальзывая из автомобиля. – Оно порвется!

– Не порвется! – убежденно сказал Сумайкин. – Раньше была клеенка, так клеенка, ей износу нет. Не то, что нынешний пленочный полимер на промокашке!

Однако же дальше он стал действовать более аккуратно, разворачивая замечательное изделие одной из советских фабрик. Гостья поспешила помочь ему.

В развернутом виде холст оказался достаточно крупных размеров, хотя понятно стало, что его не стащили с кухонного стола – для стола он все же невелик: всего лишь метр на полтора. Ясно, что в дело пошла новая, купленная в магазине клеенка. Главное же достоинство находки заключалось в картине, написанной масляными красками на гладкой стороне. Здесь помещалось изображение округлого голубого озера, проглядывающего сквозь редкую березовую рощу, с парой лебедей посередине. Озеро по ближнему берегу окаймляли заросли осоки, а между берез тут и там белели ромашки. Чувствовалось, что у мастера имелся недюжинный талант и неисчерпаемый опыт. Куда там Ренуару! Благодаря тому, что картина хранилась в свернутом виде, красочный слой совершенно не пострадал. Общее впечатление от нее несколько портили только стигбы. Но это не смущало, по всей видимости, сотрудницу музея.

– Эта вещь нам вполне подойдет, – с воодушевлением сказала она. – Видно, что написана не вчера и даже не в прошлом году. Не новодел, так сказать. Сколько вы за нее хотите, Виктор Петрович? Правда, музей наш пока не богат, но со временем...

– Да о чем разговор! Берите, если нужно на благое дело. Все равно ведь лежит без применения.

– Вот спасибо!

– У меня есть некоторая просьба, – помявшись, сказал Сумайкин. – Давно уже занимаюсь я живописью, хотя в последнее время – от случая к случаю. Как я понимаю, вы свой человек в музейных, галерейных делах. Нельзя ли выставить где-то одну две картины? В виде эксперимента. Я уж не говорю о собрании.

В рядах гостей возникло замешательство, но лишь секундное, потому что Валентина, встрепенувшись, воскликнула:

– Ну, конечно! Почему бы не попробовать? А вы где-то уже выставлялись?

– Все только в пределах района.

– Ну, не суть. Если они у вас близко, то мы сразу и возьмем. Какие вам самому больше нравятся. Но поместятся ли они в нашу машину?

– Поместятся. Они намного меньше этой клеенчатой вещи.

– Мы подождем, – Валентина посмотрела на спутников. Те в переговоры вмешиваться не стали. В самом деле, вдруг в Новосельцеве произрастал Пикассо, а никто и слыхом не слыхивал о самородке. Хотя, конечно, очень сомнительно. Больше возни. Но это дело Валентины, пусть разбирается.

На этот раз ждать пришлось недолго: Виктор Петрович появился, не успели Федор с Андреем обменяться мнениями. Два холста в рамках небольшого размера представляли собой пейзажи, надо думать, из местных окрестностей.

– На фига тебе, Валя, эти картины? – спросил Федор, когда автомобиль тронулся с места.

– Ну как же – надо уважить дедушку, все-таки бесплатно клеенку уступил. Подержим немного, а в следующий приезд вернем, – отвечала она, чтобы успокоить родственника.

– Так, может, проконсультироваться у специалиста? – встрял Андрей. – Вдруг что-то стоящее?

– Таких изделий в городских запасниках завалы. Хотя, конечно, покажу нашему заказчику клеенок.

Теперь следовало ехать к Лузину, на предмет изыскания подходящего помещения для магазина. Он упоминал в этой связи того же Сумайкина, но трое горожан, побывав только что у последнего и присмотревшись к отдельному обветшавшему домику в углу усадьбы, энтузиазма не испытали. А поскольку никаких других строений, кроме стоек и бани, тут не нашлось, Виктору Петровичу досаждать лишними вопросами не стали.

– Как успехи? – поинтересовался Лузин, вызванный из дому деликатным, смиренным гудком клаксона.

– В целом день начинается складно, – отозвался Федор, пожимая ему руку. – Валентина нашла типа ковер не ковер, что-то нарисованное. Да. Ну как, есть что на примете?

– Есть. Тут недавно поселилась у нас новая семья, Гуцины – в годах люди. Лев Иванович хозяин. Купили они дом и при нем есть еще один, старый. Здесь всегда так: люди строят дом, подрастают дети, и их он уже не устраивает. И берутся за новый. А старый стоит. То же и с гуцинским. Им без надобности, торговать не собираются. Не знаю, подойдет ли вам. Надо смотреть. Что, поедем ко Льву Ивановичу?

– Поедем!

И они отправились к дому Гуциных, справедливо полагая, что люди преклонных лет вряд ли станут спать до десяти утра,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.